Записки Александра Андреевича Половцова.

Приступая къ печатанію записокъ моего покойнаго отца, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Александра Андреевича Половцова (р. 1805 † 1892 г.г.), считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ въ видѣ предисловія.

Записки эти состоятъ изъ двухъ частей; первая изъ нихъ, названная авторомъ—„Памятныя записки", написана въ видѣ автобіографіи и доведена имъ до 1863 года; вторая носитъ названіе „Дневникъ мирового посредника" и передаетъ пережитое моимъ отцомъ за 1861—1863 г.г., когда онъ былъ мировымъ посредникомъ Петербургской губерніи (перваго призыва).

Его сжатый, своеобразный разсказъ ярко рисуетъ описываемыя имъ событія. Онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный, всегда вѣрный себѣ и своему слову, высоко цѣнившій правду, отдававшій всѣ силы на служеніе отечеству и царю. Онъ говорилъ: „отъ службы не отказывайся, но и на службу не напрашивайся" и провелъ это въ своей жизни.

Окончивъ Инженерное училище, былъ произведенъ въ офицеры въ царствованіе Императора Александра I-го, при Императорѣ Николаѣ I-мъ перешелъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство, гдѣ и продолжалъ службу при Императорѣ Александрѣ II-омъ, а также въ первые годы царствованія Императора Александра III-го, бывъ такимъ образомъ свидѣтелемъ царствованій четырехъ императоровъ. Ни честолюбія, ни тщеславія въ немъ не было, равно какъ и стремленія выдвинуться по службѣ. Онъ кончилъ службу членомъ совѣта министра въ томъ же министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ слу-

жилъ съ 1844 года. Въ 1864 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1869 и 1871 г.г. получилъ орденъ св. Владиміра II-ой ст. и Бѣлаго Орла, а въ 1882 году былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и вскорѣ по болѣзни вышелъ въ отставку.

Предполагаю, что эти воспоминанія представятъ большой интересъ не только для знавшихъ его, но и для многихъ, какъ характеристика того времени и въ частности нравственнаго облика моего отца, какъ одного изъ его лучшихъ представителей.

А. А. Половцова.

Мои замѣтки.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Андреевичъ Половцовъ родился въ 1805 году мая 11-го въ г. Новоржевѣ (Псковской губ.). На третьемъ году возраста онъ былъ съ родителями въ СПБ. и 6-ти лѣтъ помѣщенъ въ пансіонъ Г. Иванова, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Викторомъ, съ которымъ и переведенъ въ Горный кадетскій корпусъ, гдѣ пробылъ 2 года.

Въ 1818 году 13 лѣтъ отъ роду онъ былъ зачисленъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ и назначенъ въ СПБ. инженерную команду, помѣщавшуюся въ крѣпости, куда ежедневно онъ ходилъ отъ Спаса Преображенія черезъ Неву во всякое время года на службу съ тесакомъ, въ киверѣ и тяжелыхъ кожанныхъ крагахъ. Въ 1819-мъ году онъ поступилъ въ Главное Инженерное училище, организованное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ 1821-мъ декабря 5-го произведенъ въ прапорщики 7-го піонернаго батальона и по случаю готовящейся Италійской кампаніи отправленъ въ крѣпость Бендеры, гдѣ былъ тогда штабъ батальона. Была зима совершенно безснѣжная, и 10-го февраля 1822-го года Александръ Андреевичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ бричкѣ на колесахъ. Можно представить, какъ 17-ти лѣтній юноша съ своею офицерскою поклажею, по дорогамъ и станціямъ того времени, проѣхалъ 1.700 верстъ одинъ на перекладныхъ.

Въ Бессарабіи явясь къ баталіонному командиру, полковнику князю Цхейзе, юный прапорщикъ былъ принятъ какъ нельзя лучше и зачисленъ въ 1-ю роту капитана Глейниха,

считавшагося лучшимъ ротнымъ командиромъ въ цѣлой бригадѣ. Ротный штабъ былъ въ 15 верстахъ отъ Бендеръ въ д. Кицканы на берегу Днѣстра; солдаты имѣли каждый по 3 и 4 двора для приварки, гдѣ ихъ кормили за столомъ хозяевъ.

Здѣсь прапорщикъ Половцовъ, получивъ свой взводъ, долженъ былъ ежедневно быть на ученьѣ, которое въ то время велось съ суровою строгостью. Подъ руководствомъ опытнаго ротнаго командира, вскорѣ изучивъ ружейные пріемы и маршировку, онъ былъ назначенъ въ учебную команду и перевелся въ Бендеры.—Тогда всѣ офицеры въ штабѣ имѣли столъ у командира, что кромѣ существенной помощи офицерамъ, получавшимъ самое скромное содержаніе (прапорщикъ получалъ 500 р. асс. = 143 р. сер. въ годъ), много способствовало къ сближенію, къ пріязни и дружбѣ молодыхъ людей, составлявшихъ какъ бы одну семью.

Въ 1823-мъ году былъ Высочайшій смотръ 2-й арміи подъ С. Степашками, продолжавшійся съ маневрами 3-е сутокъ, въ теченіи которыхъ Императоръ Александръ Павловичъ, съ главнокомандующимъ кн. Витгенштейномъ и начальникомъ штаба Киселевымъ, былъ привѣтствованъ на каждомъ шагу самыми восторженными „ура". 3-я піонерная бригада въ составѣ 6-го и 7-го батальоновъ была употребляема во всѣхъ видахъ по фронту и по работамъ инженернымъ. Государь остался вполнѣ доволенъ.

По возвращеніи бригады въ Бендеры получено предписаніе Генералъ-Инспектора Великаго Князя Николая Павловича отправить по 12-ти рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ и однимъ офицеромъ въ г. Варшаву, поручивъ эти команды самымъ благонадежнымъ лицамъ для узнанія тамъ новыхъ ружейныхъ пріемовъ и обученія плаванію. Изъ 7-го батальона былъ назначенъ прапорщикъ Половцовъ, и по прибытіи въ Варшаву произведенъ въ подпоручики, а изъ 6-го—Фредериксъ.

Обученіе ружейнымъ пріемамъ въ 12 темповъ для заряженія пошло скоро, но съ плаваніемъ было трудно. Учителями были австрійцы и поляки; скаканіе въ воду съ разныхъ высотъ и движенія въ водѣ, длившіяся до часа, 6-ти кратное переплываніе Вислы, наконецъ плаваніе въ одеждѣ, оказались неодолимы, особенно для офицеровъ. Изъ числа 10 присланныхъ съ командами Половцовъ получилъ первый дипломъ инструктора (на польскомъ языкѣ), кончивъ VII-ми классный курсъ. На долю такого отличія выпало и другое.

Въ октябрѣ 1824-го года пріѣхалъ въ Варшаву Великій

Князь Михаилъ Павловичъ, которому Цесаревичъ Константинъ Павловичъ пожелалъ представить между прочимъ школу плаванія. Генералъ-фельдцехмейстеру артиллеріи хотѣлось на дѣлѣ видѣть распоряженія генералъ-инспектора инженеровъ,—стало саперныя и піонерныя команды, присланныя изъ *Россіи*, были всего любопытнѣе. Смотръ пловцовъ назначенъ 10-го октября, когда въ водѣ было 10 градусовъ, но офицеровъ, могущихъ плыть передъ фронтомъ, не оказалось, и на Половцова обрушились общія просьбы: товарищей, учителей и команды.

Команды съ тесаками и офицеръ со шпагою, плавая по командѣ фронтомъ и рядами съ остановками и пр., продолжавшееся болѣе получаса, заслужили полную похвалу Великихъ Князей, и подпоручикъ Половцовъ былъ осыпанъ благодарностью высшихъ, равныхъ и низшихъ, что на 21-мъ году возраста казалось торжествомъ выше всѣхъ наградъ. Не прошло недѣли послѣ того, какъ у бойкаго пловца явилось лимфатическое воспаленіе въ колѣняхъ, домашнія средства и лѣченія оказались слабы, и докторъ Ходоровскій рѣшилъ перевезти больного въ Уяздовскій военный госпиталь.

Тамъ послѣ многихъ ваннъ и опытовъ 7 докторовъ съ главнымъ медикомъ Флоріо, окруживъ постель больного послѣ долгихъ совѣщаній, тщательнаго осмотра и изслѣдованія болѣзни, единогласно присудили отнять обѣ ноги выше колѣнъ. Половцовъ, понимавшій по-латыни, узналъ ихъ приговоръ и когда Флоріо спросилъ его согласія, то отвѣчалъ, что предпочитаетъ лучше умереть.

Въ тотъ же день вечеромъ явился къ больному Виленскій студентъ, Очановскій, едва пріѣхавшій въ Варшаву, и спросилъ:

— Правда ли, что Вамъ хотятъ отнять обѣ ноги?

— Да.

— Какъ это можно; попросите у нихъ припарокъ изъ льняного сѣмени.

Сказалъ и ушелъ. Половцовъ такъ и сдѣлалъ. Когда на другой день тѣ же 7 докторовъ съ главнымъ во главѣ подошли къ постели, больной попросилъ припарокъ, всѣ съ улыбкой пожали плечами, а ординаторъ немедленно распорядился.—Ровно черезъ двѣ недѣли больной былъ на костыляхъ, а черезъ мѣсяцъ вышелъ здоровымъ!

1825-й годъ проведенъ въ Варшавѣ, гдѣ вліяніе поляковъ на всю администрацію, на весь строй общественной жизни до того преобладало, что всѣ русскіе, бывъ ими подавлены, говорили постоянно по-польски. На разводахъ съ церемоніею, вой-

ска польскія оглашали Саксонскую площадь криками; Цесаревичъ былъ отъ нихъ всегда въ восторгѣ, а русская гвардія отличалась только подражаніемъ всѣхъ видовъ.—Театры, кофейни, цукерни были чисто польскіе и полны ненавистью къ русскимъ. Ксендзы и женщины были всесильны и ни въ одномъ польскомъ домѣ русскихъ не принимали. Надо удивляться, что взрывъ 31-го года такъ задлился.

Въ концѣ 1825-го года русскія команды отправлены обратно въ Россію.—Смерть Александра I и вступленіе на престолъ Николая I съ декабрьскими смутами въ С.-Петербургѣ поразили всѣхъ неожиданностью и недоумѣніемъ. Во 2-й арміи было много толковъ, но въ Бендерахъ бригада піонеръ присягнула безропотно, хотя впослѣдствіи и открылись подготовленные подущатели.

1826-й годъ во 2-й арміи прошелъ въ приготовленіяхъ къ Турецкой войнѣ, и 7-й піонерный батальонъ отъ р. Днѣстра переведенъ на берега р. Дуная.

Я былъ поручикомъ и командовалъ ротою, получившею квартиры въ болгарскихъ селеніяхъ татаръ-кончанъ, гдѣ всего было вдоволь: людей кормили хорошо, подводы безъ счета, и 2—3 человѣка бѣглыхъ подосланныхъ изъ-за Дуная для развѣдокъ были немедленно пойманы.

Крѣпость Измаилъ была недалеко, тамъ стоялъ штабъ, и офицеры собирались кто какъ могъ, и узнали землетрясеніе: стаканы съ чаемъ расплескались, трубы съ домовъ попадали, и всѣ, успѣвшіе выбѣжать изъ домовъ, были въ испугѣ и недоумѣніи. Ударъ скоро прошелъ, и тогда только люди поняли, что онъ былъ подземный.

Весною 1827-го года открылась кампанія, и я получилъ назначеніе,—казалось, завидное—стать съ 2-мя ротами своею и понтонною на р. Прутѣ и, переправивъ 18-ю дивизію подъ Браиловъ, поставить вмѣсто понтонныхъ 2 моста на плотахъ. Переправа была при М. Фальчи, гдѣ я и остался скучать почти два мѣсяца. Однажды, гуляя по мѣстечку, встрѣчаю толпу молдаванъ со священникомъ у воротъ дома этапнаго командира, штабсъ-капитана Малиновскаго. Разговорившись со священникомъ по-молдавански, я узналъ, что цѣлое населеніе 18 дв. пришло просить защиты у русскихъ отъ притѣсненія молдавскаго бояра, Ворника Костаки, прогоняющаго ихъ со своей земли пожаромъ. Дома сожжены и сегодня назначено поджечь церковь.

Надо знать, что въ Молдавіи крѣпостныхъ нѣтъ, а вольные хлѣбопашцы живутъ во владѣльческихъ имѣніяхъ по условіямъ

долгосрочнымъ. Бояръ-помѣщикъ захотѣлъ нарушить условіе, пользуясь вступленіемъ русскихъ войскъ, поселяне не соглашались, и онъ рѣшился ихъ сжечь.—Такъ мнѣ передавалъ священникъ, заключивъ тѣмъ, что видно бояръ, какъ богатый членъ Дивана, будетъ и въ этомъ правъ, когда ихъ выгналъ отъ себя русскій этапный начальникъ ни съ чѣмъ. Такая рѣчь не могла не взволновать русскаго сердца. Я вошелъ къ коменданту (такъ называли тогда этапнаго начальника) и спросилъ: почему онъ отказываетъ въ защитѣ поселянамъ противъ поджигателя? Онъ отвѣчалъ: „да что я могу сдѣлать? у меня сторожъ да жандармъ, вотъ и все".

Тогда я открылъ ему учрежденіе этаповъ и показалъ §, что въ случаѣ надобности онъ въ правѣ требовать помощи отъ ближайшаго военнаго начальника, какимъ въ ту минуту былъ я. Онъ обрадовался и далъ мнѣ отношеніе о слѣдствіи.

Сообщила **А. А. Половцова.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки Александра Андреевича Половцова [1]).

Въ ту же ночь съ 12 стрѣлками я былъ за 25 верстъ и съ восходомъ солнца ужаснулся картинѣ пожарища цѣлой деревни, объѣхавъ верхомъ вдоль и поперекъ. Среди выжженаго селенія стояла нетронутая церковь, и предъ нею весь причтъ съ женами и дѣтьми встрѣтилъ меня на колѣняхъ. Осмотрѣвъ и переговоривъ все, что было нужно, я отправился съ переводчикомъ, отставнымъ гусарскимъ поручикомъ Брашеваномъ, и своими стрѣлками за 5 верстъ къ помѣщику. Войдя со двора на крытое крыльцо, мы попросили вызвать хозяина для объясненій. Онъ вышелъ смущенный въ шлафрокѣ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, объяснилъ, что онъ въ правѣ переселять своихъ поселенцевъ, ему земля нужна, и онъ не видитъ надобности, какъ членъ Дивана, отдавать отчетъ русскимъ. Я отвѣчалъ, что присланъ дѣло изслѣдовать и совѣтую ему ѣхать въ Фальчи и объясниться съ комендантомъ — онъ согласился. Въ его коляскѣ мы выѣхали вмѣстѣ съ солдатомъ на козлахъ, при чемъ онъ просилъ остановиться для переговоровъ у меня. Приглашенный мною шт.-кап. Малиновскій потребовалъ подписки, что впредь до рѣшенія дѣла главнокомандующимъ Г. Варнакъ-Костаки пріостановитъ всѣ свои дѣйствія по переселенію. Молдавскій бояръ долго не соглашался, но къ вечеру выдалъ и уѣхалъ.

Это было въ маѣ, а въ концѣ іюля, кончивъ мосты на плотахъ, я отправился съ ротою въ С. Водулуй-Исаки на Дунаѣ, гдѣ оставивъ понтоны, пошелъ черезъ Дунай къ крѣпости Шумлѣ, сдѣлавъ 300 верстъ одинъ собственными средствами. Жара доходила до 40° градусовъ, колодцы были отравлены, се-

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

ленія выжжены, мы стрѣляли куръ на деревьяхъ, отыскивали хлѣбъ въ ямахъ; кипятили воду въ котлахъ и, снявъ слой мыла и грязи, варили кашу. Захвативъ кое-какія лѣкарства, я имѣлъ свой лазаретъ, самъ лѣчилъ, и такимъ образомъ довелъ до Шумлы роту въ 180 человѣкъ, тогда какъ тамъ оставалось ихъ до 70-ти въ каждой ротѣ. Послѣднія станціи отъ Базарджика съ нами тянулся цѣлый обозъ на волахъ, въ которыхъ ѣхали: офицеры къ своимъ полкамъ, курьеры и фельдегеря изъ СПБ., не могшіе тронуться съ мѣста безъ конвоя, — какимъ явилась моя рота.

Въ самомъ лагерѣ войскъ, облагавшихъ крѣпость Шумлу, мы встрѣтили другой обозъ—съ ранеными. Увидѣвъ впервые изуродованное человѣчество наваленнымъ и насаженнымъ кое-какъ въ большихъ телѣгахъ, оставляющихъ по пыльной дорогѣ кровавый слѣдъ, я былъ крайне удивленъ такой безпомощности и положенію отчаянному, какія ожидаютъ каждую минуту каждаго военнаго.

Нашъ батальонъ состоялъ при отрядѣ подъ командою принца Евгенія Вюртембергскаго, съ которымъ не рѣдко отражали вылазки и всегда удачно. Онъ поручилъ мнѣ постройку батареи на 8 орудій съ ротою и батальономъ армейцевъ. Едва я приступилъ къ разбивкѣ, какъ засвистали турецкія ядра и картечи; однако къ вечеру все было готово, и принцъ, пріѣхавшій съ Дибичемъ, особенно благодарилъ.

На построеніе батареи мнѣ былъ данъ кромѣ своей роты батальонъ пѣхоты. При окончаніи работы фельдфебель Карулинъ донесъ, что на насъ будетъ сильная вылазка.

— Какъ ты узналъ?

— Казакъ изъ цѣпи пріѣзжалъ, сказалъ.

Солнце садилось, я сговорился съ майоромъ и всѣ 5 ротъ мы отвели за полверсты на гору, противъ нашего редута № 10. Едва стемнѣло, какъ изъ Шумлы выѣхало до 10/т. человѣкъ кавалеріи прямо на сдѣланное нами укрѣпленіе и все срыли, а пѣхота атаковала № 10, но была отбита, потерявъ болѣе 1/т. человѣкъ. Здѣсь явленіе милости Божіей таково, что я безъ всякаго приказанія распорядился лично и тѣмъ спасъ отъ неминуемой гибели до 600-тъ человѣкъ мнѣ ввѣренныхъ.

Въ концѣ августа нашъ отрядъ снялся и пошелъ по дорогѣ къ кр. Варнѣ наперерѣзъ Омеру Вріоне, уничтожившему гвардейскій Егерскій полкъ. Пашу мы не захватили, онъ успѣлъ уйти, а егерей, покрывавшихъ дорогу въ разныхъ видахъ, пришлось зарывать. Виною ихъ истребленія былъ флигель-адъю-

тантъ полякъ Залусскій. Жаль превосходнаго человѣка—командира полка—Гартинга.

Подъ кр. Варною мы примкнули къ отряду генерала Ридигера и на 2-й день сдачи вступили въ крѣпость, никогда не бывшую въ русскихъ рукахъ.

Въ сентябрѣ вся армія заняла зимнія квартиры, и моя рота въ отрядѣ ген. Ридигера должна была укрѣпить Базарджикъ, что и было исполнено весьма удачно. На бѣду зима вышла ранняя и лютая, морозы и вьюги были здѣсь небывалые, и я такъ простудился, что получилъ воспаленіе мозга.

Меня лѣчили три доктора; въ теченіе недѣли 7-мь разъ пускали кровь и ставили піявки; на 8-ой молодой врачъ изъ Дерита, посидѣвъ у меня, вышелъ и приказалъ сходить за священникомъ. Узнавъ объ этомъ, я призвалъ своего добраго слугу Семена и сказалъ, что въ 4 часа утра умру, распорядился всѣмъ, что было нужно. 40-къ минутъ 4-го я уснулъ и ровно въ 4-е проснулся, а въ 6 часовъ вошелъ врачъ съ фельдшеромъ и всѣми аппаратами для вскрытія. Встрѣтивъ мой открытый взглядъ, докторъ былъ такъ изумленъ и обрадованъ, что, ахнувъ, бросился меня обнимать, какъ воскресшаго. По правиламъ и рѣшенію консультаціи я долженъ былъ несомнѣнно умереть. Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ милости Божіей и словъ Спасителя: „невозможное человѣку возможно Богу“.

Въ концѣ 27-го и началѣ 28-го года сильно свирѣпствовала въ Варнѣ и ея окрестностяхъ чума, унесшая въ могилу моихъ добрыхъ товарищей, а я скоро оправился и былъ внезапно переведенъ въ С.-Петербургъ командиромъ 1-й роты учебнаго сапернаго батальона.

Въ моемъ окончательномъ выздоровленіи много помогъ Ф. Ф. Ридигеръ, присылавшій мнѣ докторовъ, вина изъ Одессы и кушанье. За то и разлука съ такимъ начальникомъ была не легка, хотя и ѣхалъ домой.

До Измаила я доѣхалъ на почтовыхъ и остановился у стараго знакомаго Голенищева-Кутузова, тамошняго исправника. Узнавъ, что ѣду въ СПБ. на перекладной, онъ не отпустилъ меня иначе, какъ въ новомъ тарантасѣ со всѣми удобствами, и даже добавивъ мой кошелекъ 200 р.

Проѣзжая Бендеры, я вдругъ узнаю, что состою подъ военнымъ судомъ. Приносятъ приказъ Дибича, гдѣ напечатано: „шт.-кап. Малиновскій предается суду за вымогательство отъ Молдавскаго Варнака-Костаки 400-а левовъ (60 р.) вмѣстѣ съ прикосновенными къ сему дѣлу 7-го піонернаго бат. поручикомъ

Половцовымъ и отставнымъ гусарскимъ поручикомъ Брашеваномъ".

Взявъ приказъ, я переѣхалъ р. Днѣстръ и продолжалъ свой путь въ столицу.

Въ г. Великихъ-Лукахъ, остановясь у дяди Егора Петровича, я заболѣлъ сильно лихорадкою съ бредомъ и, пролежавъ болѣе мѣсяца, имѣлъ случай убѣдиться, какую важную роль, въ жизни, играетъ „родство". Послѣ 7-и лѣтнихъ скитаній, нужды и опасностей, я былъ дорогимъ гостемъ дома. Д-ръ Цибальскій скоро помогъ мнѣ продолжать мой путь до СПБ.

Наконецъ я былъ въ СПБ. среди любимой семьи: родители, братья и сестры были вокругъ меня!

Всѣмъ вмѣстѣ и каждому изъ насъ было трудно узнать о моей подсудности, но какъ все на свѣтѣ приходитъ и проходитъ, такъ и здѣсь. На третій день старшій братъ Викторъ свезъ меня на Выборгскую Сторону въ арестантскую военно-сухопутнаго госпиталя, такъ какъ въ семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что за Балканы обратно ѣхать невозможно и слѣдовало рапортоваться больнымъ. Какъ я выжилъ 6 мѣс. 4 дня въ комнатѣ съ рѣшеткою въ окнѣ и часовымъ у входа,—пересказать не берусь. Правда, что мой добрѣйшій отецъ навѣщалъ мою тюрьму ежедневно, пѣшкомъ во всякую погоду, и тѣмъ дѣйствительно поддерживалъ меня на распутьѣ.

Черезъ полгода послѣдовалъ отвѣтъ Дибича къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу, что я могу быть допущенъ на службу, а вскорѣ послѣ того прислано командиру учебнаго сапернаго батальона, полковнику Люце, рѣшеніе: „Военный судъ, не имѣя никакихъ доказательствъ виновности подсудимыхъ, опредѣляетъ: „освободивъ ихъ отъ суда, предать дѣло волѣ Божіей, а г. г. подсудимыхъ въ штрафѣ не считать".

Такъ послѣ 6-ти мѣсячнаго ареста я былъ освобожденъ, оправданъ, получилъ все содержаніе и вступилъ на службу.

Въ то же время, успѣвъ черезъ тетку Софью Н. познакомиться въ домѣ Татищевыхъ, я былъ помолвленъ въ мартѣ и повѣнчанъ въ маѣ 1830-го года съ одною изъ 2-хъ сестеръ Аграфеною Ѳедоровною, имѣвшею брата Спиридона Ѳедоровича и сестру Варвару Ѳедоровну—всѣ трое круглые сироты.

Наступилъ 1831 годъ; была холера; было польское возстаніе Въ СПБ. было нѣчто въ родѣ бунта черни. Вся Сѣнная площадь была плотно покрыта народомъ и окружена войскомъ, въ числѣ котораго и моя рота, имѣя во главѣ князя Пл. Вас. Васильева, встрѣтившагося на дорогѣ, загородила Садовую улицу. Народъ

чуть не снялъ съ лошади генералъ-губернатора Эссена, однако подъ прикрытіемъ войска полиція распорядилась арестами, и площадь очищена. На ночь войска расположились на бивуакъ.

Государь былъ въ Царскомъ Селѣ, но на другой день пріѣхалъ оттуда прямо на площадь, гдѣ снова толпился народъ. Коляска на взмылившейся четверкѣ остановилась противъ св. Спаса. Народъ бросился къ Царю съ воплями: „Батюшка, насъ травятъ“ и пр. Николай I, не выходя изъ экипажа, всталъ во весь свой ростъ, и едва успѣлъ произнести: „на колѣни!“, какъ вся площадь осѣла и шапокъ не стало, мигомъ водворилась тишина, Государь продолжалъ:

— „Что вы это? дурачиться? Кто вамъ говоритъ, что холеры нѣтъ, тотъ лжетъ. Холера есть и послана Богомъ. Не шумѣть, а молиться надо. Да. Будемъ молиться (онъ указалъ на церковь), и Богъ помилуетъ“. Кончивъ эту рѣчь, Государь опустился въ коляску и объѣхалъ шагомъ площадь. Народъ, вчера яростно кипѣвшій, преклонялся молча и тѣснясь вокругъ коляски.

Въ томъ же 31-омъ году одинъ изъ кантонистовъ, составлявшихъ мою роту въ уч. саперномъ батальонѣ, подалъ полковнику доносъ о недостаткѣ денегъ въ артельномъ ящикѣ. По внезапной ревизіи тамъ оказались лишнія, но мы съ Люце посчитались, и я подалъ въ отставку.

Переведенный по приказу къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ коллежскаго ассесора, я явился къ Дм. Ник. Блудову, назначенному министромъ внутреннихъ дѣлъ, и былъ зачисленъ по министерству.

Первое порученіе по м-ву было: ѣхать съ Конст. Ив. Арсеньевымъ, членомъ совѣта м-ра, по 15-ти губерніямъ, при чемъ К. И. долженъ былъ приготовить людей къ путешествію наслѣдника Цесаревича, Александра Николаевича, а мнѣ въ то же время слѣдовало осмотрѣть заведенія министерства: приказы общественнаго призрѣнія, тюрьмы, больницы, богадѣльни, домъ умалишенныхъ и пр.

Наша поѣздка длилась три мѣсяца и была крайне интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Конст. Ив. былъ рѣдкій человѣкъ по сердцу и уму. Насъ всюду принимали радушно.

По возвращеніи кромѣ благодарности превосходнѣйшаго изъ министровъ Д. Н. Блудова мнѣ дали перстень съ вензелемъ и произвели въ надворные совѣтники за отличіе.

Состоя на службѣ безъ особаго содержанія, я постоянно лѣ-

томъ жилъ на дачѣ или въ деревнѣ, не оставляя работу по своимъ дѣламъ. Такъ купивъ домъ на Екатерининскомъ каналѣ не копченнымъ, я успѣлъ въ одинъ годъ кончить и наполнить жильцами, доведя доходъ до 16 т. р. асс.

Не могу не вспомнить съ особенною благодарностью къ Господу, что когда въ первые дни супружества мы гуляли съ женой по набережной Фонтанки, то разсчитывали все, что мы можемъ получить и прожить: выходило 5 т. р. асс. въ годъ. Съ этимъ надо было начать работать, и Богъ удивительно помогъ.

Черезъ четыре года купленный домъ былъ проданъ Пономареву за 200 т. р. асс.

Мы переѣхали въ квартиру у Обухова моста и жили, не зная, что предпринять. Въ одинъ день, вставъ рано и взявъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, я пошелъ ходить на набержной Фонтанки. Перейдя три моста, я вдругъ повернулъ въ Итальянскую улицу и остановился на Михайловской площади, кругомъ застроенной, передъ двумя деревянными домами противъ Михайловскаго дворца. Помню живо, какъ меня невольно повернуло въ ворота одного изъ нихъ, встрѣтился дворникъ.

— Не продается ли этотъ домъ?

— Продается, спросите управляющаго.

Узнавъ, что владѣлецъ проситъ 130 т. рублей и живетъ на Большой Морской, я отправился пѣшкомъ туда,—былъ часъ 10-й утра. Отставной генералъ Дюклу встрѣтилъ меня въ шлафрокѣ и не хотѣлъ уступить ни одного рубля. Мы проговорили долго и я, взявъ съ собою планы, обѣщалъ подумать. Въ эту минуту входитъ высокій брюнетъ и, обратясь къ генералу по-французски, даетъ 130 т. рублей за домъ. Дѣлать нечего, думать некогда, и я предлагаю то же. Вошедшій былъ биржевой маклеръ, Риттеръ, и сталъ настойчиво утверждать, что онъ уже купилъ; съ нимъ согласился и владѣлецъ.

— Въ такомъ случаѣ я даю 1000 рублей болѣе.

Дюклу улыбнулся, а Риттеръ отвѣчалъ.

— Нѣтъ, мы здѣсь не на аукціонѣ, а если хотите, то бросимъ жребій.

Владѣлецъ, хотя и неохотно, но долженъ былъ покориться и, приготовивъ билеты, подалъ ихъ намъ въ моей шляпѣ. Мы стояли по сторонамъ дверей, оба вынули и вмѣстѣ развернули. Риттеръ меня поздравилъ, съ хозяиномъ простился и, выскочивъ въ двери, въ тотъ же день купилъ за 120 т. рублей другой деревянный домъ, который вскорѣ и продалъ за 200 т. рублей для Дворянскаго Собранія.

Давъ 7 т. рублей задатку, я вскорѣ совершилъ купчую и немедленно открылъ улицу, воспользовавшись матеріаломъ.

Такъ съ 200 т. рублей ассигнаціями, заплативъ за мѣсто 130 т. рублей, я принялся за постройку въ 200 т. рублей серебромъ!

Для окончанія вчернѣ я занялъ 80 т. рублей по 9%. Чтобъ окончить въ чистотѣ, мнѣ пришлось заложить домъ въ 200 т. рублей асс., при чемъ всѣ поиски и публикаціи оказались ничтожны.

Пріѣхала барыня изъ Москвы и, войдя въ пустую квартиру для найма, нашла на окнѣ публикацію о залогѣ дома, тотчасъ пріѣхала ко мнѣ, и въ 2 дня деньги были готовы.

Впослѣдствіи я взялъ у той же г-жи Спаинъ еще 50 т. рублей и, кончивъ домъ, заложилъ его въ Банкѣ за 300 т. руб. асс. и былъ квитъ съ долгами.

Владѣвъ этимъ домомъ 12-ть лѣтъ, мы получили средства дать образованіе дѣтямъ и прожить безъ нужды, получая дохода до 20.000 руб. сер. и уплачивая въ банкъ только 7 т. руб. Но какъ домъ безъ ремонта быть не можетъ, а у насъ остатковъ не было, то наконецъ и были вынуждены продать Клею за 200 т. руб. сер.

Въ это же время выстроена дача въ Царскомъ Селѣ, служившая намъ лѣтнимъ пребываніемъ.

Несмотря на эти постройки и занятія собственными дѣлами, я продолжалъ служить по министерству внутреннихъ дѣлъ членомъ Общаго присутствія департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, отъ котораго и былъ командированъ въ Хотинъ для перевозки оставшихся тамъ отъ войны медикаментовъ въ Кіевъ. Подрядчики просили за это 40 т. рублей, а я сдалъ за 20 т. рублей, и все было исполнено въ точности, за что мнѣ дали чинъ коллежскаго совѣтника.

По званію члена департамента я завѣдывалъ устройствомъ Аптекарскаго острова, гдѣ былъ большой инструментальный заводъ, требовавшій много труда. При мнѣ выстроенъ главный магазинъ и проектирована церковь строительнымъ комитетомъ, гдѣ я былъ членомъ по искуств. части.

Въ 1838-омъ году Д. Н. Блудовъ, хорошо меня знавшій, былъ сдѣланъ министромъ юстиціи, на мѣсто Д. В. Дашкова, и пригласилъ меня перейти къ нему. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ, не желавшій меня отпустить. Однако послѣ мно-

гихъ разговоровъ я предпочелъ начальство Д. Н., былъ перечисленъ и затѣмъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-ый Департаментъ при оберъ-прокурорѣ А. Ф. В—ѣ. По личному порученію министра получивъ въ завѣдываніе хозяйственную часть, я нашелъ въ ней хаосъ невѣроятный. Въ одной сенатской типографіи В. получалъ отъ смотрителя отъ 300-тъ до 400-тъ руб. въ мѣсяцъ за своихъ крѣпостныхъ людей; всѣ подряды были на откупу и пр.

Пришлось водворять порядокъ съ большимъ трудомъ. Типографія была почти въ убытокъ, суммы, состоя въ непосредственномъ распоряженіи министра, были единственнымъ источникомъ для поощренія честныхъ тружениковъ министерства. При мнѣ за покрытіемъ всѣхъ расходовъ осталось въ 1-ый годъ 30 т. руб., во 2-ой—50 т. р. и въ 4-е года доходъ дошелъ до 100 т. рублей. Генералъ-прокурорскій домъ и его содержаніе точно такъ же приведены въ порядокъ; я получилъ чинъ статскаго совѣтника.

Въ 1842-омъ году бывшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ, графъ В. Н. Панинъ, назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1843-емъ по переходѣ Дм. Н. Блудова во 2-ой собственной канцеляріи главноуправляющимъ сдѣланъ управляющимъ министерствомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Для меня лично эта перемѣна была весьма чувствительна по возобновившемуся вліянію В., какъ отъявленнаго взяточника по всѣмъ частямъ, и въ 1844-мъ году я былъ вынужденъ подать въ отставку.

Д. Н. Блудовъ, хорошо понимавшій мое положеніе, рекомендовалъ меня министру государственныхъ имуществъ Киселеву, и въ началѣ 45-го года я былъ причисленъ къ министерству, и получилъ командировку въ Калугу и Орелъ для производства слѣдствія по нарядамъ крестьянъ въ работы къ подрядчикамъ шоссе большими массами и значительными злоупотребленіями. Въ мартѣ и апрѣлѣ мнѣ пришлось разъѣзжать по страшнымъ дорогамъ и допросить на мѣстѣ до 1 т. человѣкъ. Кончивъ удачно все, что было можно сдѣлать, и проведя лѣто безъ дѣла, на свободѣ, въ ноябрѣ я былъ назначенъ инспекторомъ постройки православныхъ церквей въ казенныхъ селеніяхъ западныхъ губерній.

Было назначено: построить 100 и поправить 500-тъ церквей съ отпускомъ 700 т. рублей въ шесть лѣтъ.

Пересмотрѣвъ дѣла и доклады, я нашелъ, что при передачѣ

суммъ отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлана ошибка въ вычитаніи, отъ которой министерство получило 167 т. руб. менѣе. При докладѣ о томъ Киселеву, я имѣлъ случай убѣдиться, какъ этотъ выходецъ смотрѣлъ вообще на дѣла. Вотъ мой разговоръ.

Я вхожу въ кабинетъ, онъ встрѣчаетъ меня сидя:

— Ну что? принялся за дѣло? собралъ что нужно? Это дѣло большое, его надо вести осторожно. Садись.

— Прежде всего считаю нужнымъ доложить, что въ назначенныхъ суммахъ на построеніе церквей открывается недочетъ въ 167 т. рублей отъ ошибки въ вычитаніи.

— Ну что жъ? насъ надули; постарайся это исправить: надо и ихъ надуть.

— Слушаю и надѣюсь исполнить.

— А еще что?

— По докладу назначено построить 100, а исправить 500 церквей; если положить на первыя по 5 т., а на вторыя по $2^1/_2$ т. рублей, то составится 1.750 т. руб., а намъ отпущено на все 700 т. рублей.

— А на сколько лѣтъ?

— На шесть.

Министръ махнулъ рукой, сказавъ:

— Ну, такъ кто тамъ еще живъ будетъ.

Потомъ онъ сталъ меня разспрашивать о моей службѣ во второй арміи, шутить надъ разными лицами и отпустилъ совершенно довольный собою, тогда какъ для меня этотъ докладъ остался памятнымъ.

Съ того дня прошло 8 лѣтъ. Ежегодно я дѣлалъ по 9-ти западнымъ губерніямъ отъ 3 т. до 4 т. верстъ, надзирая за церковно-строительною частью, могу сказать, мною созданною. Ни матеріаловъ, ни мастеровъ, ни мало-мальски благонадежнаго надзора на мѣстахъ не было, все надо было завести,—и Богъ удивительно помогалъ на каждомъ шагу. На данные 700 т. рублей выстроено церквей каменныхъ 28 и деревянныхъ—52, итого 80 церквей. Исправлено всего 260 церквей. Данная сумма увеличилась пожертвованіями на 350 т. рублей; однимъ словомъ, успѣхъ былъ свыше ожиданій. Но какъ деньги вышли, а число церквей, опредѣленныхъ въ первоначальномъ докладѣ, т.-е. 100 и 500, не было устроено, то представился вопросъ о новомъ отпускѣ, если церковностроительная часть при министерствѣ должна продолжаться. Съ такимъ докладомъ я былъ снова въ кабинетѣ уже графа Киселева. Онъ сидѣлъ и курилъ трубку. Сухо кивнувъ головою, онъ сказалъ:

— Садитесь; что у васъ? есть нужное?

— Въ общемъ порядкѣ, Ваше Сіятельство, подлежитъ рѣшенію вопросъ о продолженіи церковностроительной части при министерствѣ.

— Какъ? за деньгами? Вы хотите, чтобы я шелъ къ Государю просить денегъ на Вашу часть? Нѣтъ. Деньги назначены и издержаны, а дѣло не кончено. Это что такое? За такія дѣла предаютъ суду.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Я стоялъ у стола. Вдругъ, остановясь передо мной лицомъ къ лицу, онъ сказалъ:

— Да-съ. Вы будете подъ судомъ.

Я отвѣчалъ:

— Если буду, то не одинъ, а мы оба—да-съ, мы будемъ вмѣстѣ.

Министръ побагровѣлъ, сдѣлалъ два шага въ сторону и едва выговорилъ:

— Прощайте.

Я повернулся не кланяясь и взялся за ручку двери, а онъ стоя среди комнаты, отозвался:

— Мы увидимъ, кто будетъ правъ.

Тогда я остановился и оборотясь отвѣчалъ:

— Конечно, я, какъ отдававшій ежегодно отчеты, и съ тѣмъ вышелъ.

Это было мое послѣднее свиданіе съ графомъ Киселевымъ. Я рѣшился подать въ отставку и, по дорогѣ взявъ листъ гербовой бумаги, сѣлъ писать. Въ эту минуту входитъ покойный Ал. Ал. Пейкеръ.

— Что это, Александръ Андреевичъ? на васъ лица нѣтъ, что съ вами?

Разсказавъ все, что со мной было, я хочу приложить перо къ бумагѣ, но Пейкеръ спокойно встаетъ, вынимаетъ перо изъ моихъ рукъ и говоритъ:

— Что за пустяки! стоитъ ли принимать къ сердцу? Развѣ мы Киселеву служимъ? Сегодня онъ, а завтра другой и третій министръ. Пойдемте ходить, я нарочно за вами пришелъ.

И, дѣйствительно, это было въ моемъ положеніи наилучшее.

Что-же оказалось впослѣдствіи? При графѣ Киселевѣ былъ постояннымъ наперсникомъ лютый полковникъ Ружицкій, слѣдившій за моими дѣйствіями тщательно. Занимая должность вице-директора въ томъ департаментѣ, который велъ мои счеты, и слѣдивъ за дѣйствіями палатъ, онъ убѣдился, что при

всѣхъ недостаткахъ, недовѣріи и кажущейся невозможности, это дѣло было застраховано на бумагѣ, а въ натурѣ не могло и не должно было двигаться.

Такъ былъ составленъ докладъ, которымъ Государь остался доволенъ, и такъ въ числѣ прочихъ могла проходить и успокаивать его и та мысль, что первая и главная мѣра обрусѣнія края приводится исподволь въ исполненіе.

Въ это время былъ генералъ-губернаторомъ Дм. Гавр. Бибиковъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями Киселева и хорошо понимавшій его полупольскій и полурусскій характеръ. Знавъ, что дѣлается въ министерствѣ по западнымъ губерніямъ, онъ не разъ дѣлалъ мнѣ такіе намеки, которые тогда казались невѣроятны и трудно было ихъ принимать даже близкими къ истинѣ, но впослѣдствіи они сами собой становились очевидны. Таковы были: русскіе маіораты, для которыхъ не только имѣнія, но всѣ подробности условій по образцу прусскому въ Познани были опредѣлены и убиты графомъ Киселевымъ. Такъ аренды имѣній казенныхъ были закрѣплены въ рукахъ польской шляхты и давали большія деньги панамъ и неисчислимые убытки казнѣ. Такъ и другіе сборы были достояніемъ истыхъ поляковъ. Такъ, наконецъ, всѣми дѣлами казны по министерству завѣдывалъ въ званіи вице-директора агентъ пановъ польскихъ, котораго однако и самъ Киселевъ не посмѣлъ сдѣлать директоромъ департамента.

Учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ безъ сомнѣнія Императоръ Николай I-й заложилъ прочный фундаментъ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ направленіи былъ первымъ дѣятелемъ Ник. Мих. Гамалѣя, избранный лично Государемъ изъ губернаторовъ сначала въ комитетъ, потомъ директоромъ 1-го департамента и вскорѣ товарищемъ министра. Оставаясь 20 лѣтъ въ послѣднемъ званіи, Н. М. былъ труженикомъ, отягченнымъ нравственно и физически выше мѣры, какъ христіанинъ-патріотъ.

Со смертію Николая I-го гр. Киселевъ утратилъ свое значеніе, невольно обнаруживъ себя въ многомъ: 1) Н. М. Гамалѣя, которому по праву принадлежало управленіе министерствомъ, обратилъ въ сенатора, назначивъ управляющимъ своего родственника, Хрущева, бывшаго при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и готоваго слѣдовать его внушеніямъ и 2) самъ нашелъ себѣ мѣсто въ Парижѣ, сначала посломъ, а

потомъ ничѣмъ, лишь бы не въ Россіи оставаться тѣмъ же полуполякомъ, какимъ былъ со времени своей женитьбы на полькѣ.

Гамалѣя вскорѣ умеръ, а Хрущевъ сошелъ съ ума.

Министромъ былъ сдѣланъ Шереметевъ, пробылъ годъ и, принимая просителей, встрѣтилъ одного изъ окружныхъ начальниковъ, отставленнаго имъ безъ слѣдствія и суда. Отецъ 6-хъ дѣтей, безвинно лишенный хлѣба, просилъ суда, какъ милости, и когда министръ отъ него отвернулся, онъ сказалъ громко:

„Я буду жаловаться на Васъ Богу, и повѣрьте, вопль невинной семьи будетъ услышанъ".

Шереметевъ былъ несовсѣмъ здоровъ, вернулся въ кабинетъ и получилъ ударъ.

Такъ оправдалось сказаніе Ал. Ал. Пейкера. Послѣ Шереметева вступилъ въ министры М. Н. Муравьевъ.

Было ясно, что успѣхъ церковностроительной части, въ девяти западныхъ губерніяхъ, испугалъ поляковъ и тѣмъ возстановилъ противъ себя, по внушенію Киселева, многихъ.

М. Н. Муравьевъ зналъ хорошо, въ чемъ дѣло, и, не желая прерывать нити, ограничилъ эту часть по возможности, направивъ усилія на поправку церквей болѣе, чѣмъ на постройку, отчего расходы сократились.

Впослѣдствіи, бывъ въ Вильнѣ, онъ сдѣлалъ наоборотъ, но въ то время въ министерствѣ такъ надо было.

Въ отношеніи меня лично М. Н. поступилъ такъ. Призвавъ и усадивъ меня засвой столъ противъ себя, онъ сказалъ:

— Александръ Андреевичъ, я знаю, что вы сдѣлали и что вы вынесли, мнѣ такихъ людей надо, я приготовилъ вамъ особое дѣло, сдайте свою часть и зайдите ко мнѣ, когда освободитесь.

Скоро послѣ того я былъ потребовалъ къ министру и получилъ командировку въ Курляндію на слѣдствіе.

Дѣло было весьма щекотливое. Курляндскимъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ былъ г. Офенбергъ 16 лѣтъ сряду; генералъ-маіоръ съ камергерскимъ ключомъ, другъ Ал. Хр. Бенкендорфа, а потому и графа Киселева.—Одинъ изъ лѣсничихъ шт.-кап. Бретшнейдеръ нашелъ случай, явясь въ Петербургъ съ 2-мя собаками, поднести ихъ Государю и быть съ нимъ на охотѣ нѣсколько дней, при чемъ онъ вручилъ прошеніе на шести листахъ, жалуясь на притѣсненія и злоупотребенія упр. Офенберга.

Императоръ взялъ и тутъ же передалъ этотъ доносъ генералъ-губернатору Остзейскаго края Суворову, сказавъ:

— Это твое дѣло.

Князь Суворовъ какъ принялъ, такъ и сдалъ графу Киселеву. Казалось очень просто повѣрить доносъ въ видѣ жалобы на мѣстѣ. Но министръ узналъ, что лѣсничій Бретшнейдеръ въ Курляндіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и управитель имѣніемъ г-жи Рорбекъ, любимѣйшей камеръ-фрау Императрицы Александры Ѳедоровны, оставилъ доносъ у себя, и оставляя министерство, передалъ со своимъ замѣчаніемъ Хрущеву. Шереметевъ такъ же не посмѣлъ дать ходъ дѣлу, и послѣ 4-хъ лѣтъ оно попало въ руки М. Н. Муравьева. Онъ придумалъ составить комиссію по закону: чиновникъ отъ министерства, отъ генералъ-губернатора и жандармъ. Когда докладъ былъ утвержденъ, онъ объявилъ мнѣ, что назначаетъ предсѣдателемъ этой комиссіи, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, я относился прямо къ нему, мимо департамента, гдѣ былъ директоромъ Ганъ.

Здѣсь снова мнѣ помогъ Ал. Ал. Пейкеръ добрымъ совѣтомъ: взять членомъ полковника Гильдебрандта изъ Риги, гдѣ онъ былъ 13 лѣтъ губ-мъ штабъ-офицеромъ и оказался, дѣйствительно, хорошимъ человѣкомъ. Со стороны генералъ-губернатора былъ статскій совѣтникъ Шмитъ, извѣстный дѣлецъ того края.

Пріѣхавъ въ Митаву, я нашелъ тамъ губернаторомъ П. А. Валуева, гнетомаго баронами и поддержаннаго Суворовымъ, отъ чего ему было не легче. Какъ губернаторъ, онъ имѣлъ свою партію, но очень не большую, но бароны въ большинствѣ были противъ. Хорошо знавшій дѣло П. А. Валуевъ увѣрялъ меня, что раньше двухъ лѣтъ комиссія изъ Митавы не выѣдетъ; Гильдебрандтъ былъ того же мнѣнія.

Бароны вопіяли гласно на комиссію, первую отъ присоединенія Курляндіи, и бранили Муравьева. Съ Валуевымъ мы видѣлись ежедневно, работа кипѣла.

Офенбергъ явился въ полной формѣ, но когда представлялъ мнѣ палату, то извинялся, что почти никто изъ чиновниковъ не знаетъ по-русски, на что я отвѣчалъ:

— Согласитесь, что я не обязанъ знать по-нѣмецки.

А потому я говорилъ со всѣми по-русски, а кто не понималъ, отъ того отворачивался. Къ удивленію оказалось, что понимали всѣ и все, а говорило большинство. Стало быть въ предостереженіи управляющаго была мысль заставить меня объясняться по службѣ по-нѣмецки,—что однако не удалось.

Лѣсничій Бретшнейдеръ былъ выписанъ въ комиссію по эстафетѣ, и несмотря на свой извѣстно дерзкій и буйный характеръ, до того присмирѣлъ и такъ дѣльно отвѣчалъ на вопросные пункты, что возбудилъ мое участіе въ своемъ зависимомъ и угнетенномъ положеніи.

Комиссія работала съ утра до вечера въ моей квартирѣ; я вставалъ рано и представлялъ на каждый день программу занятій, исполнявшуюся неукоснительно. Шмитъ былъ переводчикомъ и нѣмецкимъ писцомъ. Гильдебрандтъ, знавшій оба языка отлично, помогалъ мнѣ крайне усердно, и въ общемъ присутствіи у насъ образовалась такая гармонія, которой Валуевъ по всей справедливости удивлялся. Онъ обѣдалъ у меня ежедневно, послѣ чего проводили у него вечеръ съ Гильдебрандтомъ, когда было свободно.

Такъ изо дня въ день прошло два мѣсяца, въ теченіе которыхъ встрѣтился Ивановъ день съ ярмаркою, празднуемый всѣми жителями Митавы. Управляющій Офенбергъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ, я согласился съ тѣмъ, чтобы не было никакого оффиціальнаго угощенія, тостовъ и проч. Онъ обѣщалъ, что никого не будетъ. Валуевъ, узнавъ о томъ, спросилъ:

— Неужели вы приняли приглашеніе Офенберга?

— Да.

— По-моему это крайне смѣло, онъ васъ отравитъ; вы не можете представить, какъ зло смотрятъ на вашу комиссію.

— Что бы ни случилось, Петръ Александровичъ, унижать званіе управляющаго отказомъ я не могу, завтра это будетъ знать весь городъ. Отравы я не боюсь при нѣкоторой осторожности: ничего не ѣсть прежде хозяина, а вина и кофе вовсе не пить.

Однако, губернаторъ остался при своемъ мнѣніи и просилъ къ себѣ тотчасъ послѣ обѣда, что я исполнилъ. Встрѣтивъ меня радостно, онъ и Гильдебрандтъ разспрашивали меня обо всемъ до мелочей, какъ будто этотъ фактъ выходилъ изъ границъ ихъ свѣдѣній и наблюденій,—что меня удивляло.

Легко быть можетъ, что они, какъ знатоки нѣмцевъ, поступили бы иначе, но „Русскій Богъ великъ!“ говоритъ нашъ народъ не даромъ.

Въ два мѣсяца огромный трудъ былъ готовъ, и я призналъ необходимымъ объѣхать Курляндію въ разныхъ направленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы быть на мѣстахъ и удостовѣриться въ показаніяхъ разныхъ лицъ по разнымъ частямъ управленія.

Выѣхавъ изъ Митавы съ губернскимъ лѣсничимъ фонъ-Клей-

стомъ, я сдѣлалъ въ 4 сутокъ 600 верстъ, обѣдалъ у Офенберга и у Бретшнейдера, узналъ и увидѣлъ многое, что было нужно, и черезъ недѣлю явился въ Петербургъ съ докладомъ къ министру.

Представивъ дѣло въ 4-хъ томахъ, я началъ докладъ.

— Прежде всего считаю долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что Ваше порученіе дало мнѣ случай видѣть администраціонный казусъ: на 42-хъ верстахъ шоссе съ одною станціею мы имѣемъ 2 палаты, стоющія каждая по 180 тыс. руб. въ годъ.

Муравьевъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Да, это ошибка, которую пора исправить; надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете. Я убѣжденъ, что это можно сдѣлать скоро и просто подъ вашимъ руководствомъ. Надо составить комиссію подъ вашимъ предсѣдательствомъ, подумайте о членахъ и заготовьте записку.

Докладъ продолжался болѣе часа. Мих. Ник. былъ такъ точенъ въ своихъ вопросахъ, такъ заинтересованъ подробностями, что поблагодарилъ, поручивъ передать все дѣло въ его особую канцелярію.

На другой день, представляя записку о составѣ комиссіи, я упомянулъ, что предсѣдателемъ слѣдовало бы сдѣлать курляндскаго губернатора Валуева. Онъ поморщился, назвалъ его интриганомъ, присылающимъ свои статьи къ Константину Николаевичу, и, подумавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, намъ такого не надо.

Прошла недѣля. Муравьевъ пригласилъ меня къ себѣ. При моемъ входѣ въ кабинетъ, онъ сказалъ:

— Здравствуйте, я читалъ вашу записку о составѣ комиссіи, кажется, велика, много членовъ-нѣмцевъ.

— Безъ нихъ нельзя, можно уменьшить, все будетъ зависѣть отъ предсѣдателя.

— Да, вѣдь, я сказалъ, что вы—предсѣдатель.

— А я снова прошу, Ваше Высокопревосходительство, поручить это дѣло Валуеву.

Михаилъ Николаевичъ опять поморщился, подумалъ и отвѣчалъ:

— Да онъ—не нашъ, какъ же ему поручить, — а съ Ланскимъ (бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ) я не хочу переписываться.

— Такъ позвольте мнѣ лично переговорить?

— А вы его знаете?

— Довольно хорошо и думаю, что мнѣ онъ не откажетъ.

— Ну что жъ? спросите, если хотите, только меня не мѣшайте.

— Слушаю.

Отъ одного поѣхалъ я прямо къ другому министру и былъ принятъ немедленно.

— А здравствуйте, Александръ Андреевичъ,—подавая руку, сказалъ С. Ст. Ланской,—что? съ дѣломъ?

— Да, съ большою просьбою къ вамъ.

— Радъ стараться, чѣмъ могу служить?

— Одолжите намъ курляндскаго губернатора Валуева.

— Какъ? къ Муравьеву? ха-ха-ха! возьмите. Да куда вы его прочите?

— Въ предсѣдатели особой комиссіи по устройству дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

— Возьмите, возьмите, съ моей стороны не будетъ затрудненій, такъ и скажите Муравьеву.

На другой же день вопросъ и отвѣтъ обмѣнены и къ Валуеву написано. Со своей стороны я написалъ ему въ тотъ же день. Не прошло недѣли, какъ получаю отъ него искреннее благодареніе и вмѣстѣ убѣдительную просьбу о деньгахъ. Ему не съ чѣмъ было выѣхать изъ Митавы.

Иду къ Муравьеву. Онъ снова улыбнулся и приказалъ выдать изъ палаты 1.000 рублей.

Вотъ какъ былъ введенъ въ кругъ министерскихъ дѣйствій П. А. Валуевъ.

Какъ онъ отплатилъ Муравьеву въ 63 году, бывъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и защищая поляковъ на каждомъ шагу—это принадлежитъ исторіи возстанія и мятежа въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ. Я узналъ часть его противодѣйствій, бывъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи въ Горкахъ.

Въ 1-мъ засѣданіи Остзейской комиссіи П. А. Валуевъ сказалъ превосходную рѣчь, въ особенности поразившую директора второго департамента Рашевскаго, на мѣсто котораго и поступилъ П. А. не безъ затрудненій.

Товарищъ министра, А. А. Зеленый, поручилъ мнѣ вести переговоры о переходѣ въ министерство П. А. Валуева. Наконецъ, онъ рѣшился перейти съ условіемъ: никакихъ наградъ кромѣ денегъ. Вслѣдствіе того ему даны два департамента, второй и земледѣльческій съ содержаніемъ въ 10 тыс. руб. Это былъ окладъ неслыханный, на который только Муравьевъ могъ рѣшиться.

Съ перваго шага своей дѣятельности въ Петербургѣ, Петръ Александровичъ сблизился съ Василіемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ (шефомъ жандармовъ), сильнымъ содѣйствіемъ его вскорѣ поступилъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и оставался 7 лѣтъ.

При М. Н. Муравьевѣ я былъ сдѣланъ членомъ Совѣта Министра.

Въ этомъ званіи я имѣлъ 4 комиссіи, одна другой сложнѣе и серьезнѣе:

1. Встрѣча Государя Императора во время его путешествія на сѣверъ, въ г. Архангельскъ.

2. Ревизія палаты и управленія государственныхъ имуществъ въ Казанской губерніи.

3. То же самое и въ Пермской губерніи, и

4. Предсѣдательство въ слѣдственной комиссіи въ Горкахъ для рѣшенія вопроса, кто виновенъ въ томъ, что шайка бунтовщиковъ тамъ была: губернаторъ Беклемишевъ или директоръ.

Сооб. **А. Половцова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Александра Андреевича Половцова [1]).

1. Поѣздка въ Архангельскъ была вызвана рѣзкими жалобами губернатора Арандаренки на управляющаго палатою Г. И. Министръ М. Н. Муравьевъ, предвидя въ этомъ разладѣ властей возможность неудачной встрѣчи Государя, избравъ меня, представилъ лично министру двора Вл. Ѳед. Адлербергу. Кромѣ того я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскому, который по своему благорасположенію ко мнѣ сказалъ, что хорошо бы, если бъ я въ Архангельскѣ остался долѣе, на что я не могъ согласиться по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ. Передавъ это М. Н. Муравьеву, я получилъ отъ него удостовѣреніе, что этого не будетъ никакъ, и съ тѣмъ отправился за 1.300 верстъ на сѣверъ.

Въ Архангельской губерніи тогда считалось 240 тыс. душъ казенныхъ крестьянъ и милліоны десятинъ казеннаго лѣса. Предъ выѣздомъ я счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ директору канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, Гвоздеву, который, не заставъ меня дома, оставилъ записку на цѣломъ листѣ, гдѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, по порученію министра, изъявлялъ полную готовность исполнять всѣ мои требованія и пр. Надо сказать, что въ это время Гвоздева знали всѣ губернаторы, какъ силу дѣйствительную. Кстати этотъ листъ вмѣстѣ съ прочими бумагами попалъ въ мой портфель.

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

Арандаренко былъ управляющимъ палатою Г. И. въ Полтавѣ и слылъ за человѣка энергичнаго, но вмѣстѣ злого самодура, писаку и интригана крайняго. Управляющій, Мальте, правовѣдъ, характера мягкаго, обремененный семьей и содержавшійся службою, при всемъ стараніи не могъ переносить произвола Арандаренки.

Такой разладъ администраціи края натурально внушалъ министру Гос. Им. опасеніе отъ доносовъ и жалобъ при проѣздѣ Государя,—что и слѣдовало предварить отправкою заранѣе на мѣсто лица, довѣреннаго отъ министерства Г. И.

За двѣ станціи до Архангельска я встрѣчаю мужика съ котомкою за плечами, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда проѣдетъ чиновникъ изъ Питера?

— А что тебѣ?

— Да вотъ я, отъ общества изъ-за Дячерскаго края, прошелъ по кладкамъ черезъ болота 80 верстъ съ бумагами и пр., — вынулъ цѣлый ворохъ, я взялъ все съ собою и велѣлъ явиться въ Архангельскъ.

Пріѣхавъ туда и остановясь на квартирѣ, заранѣе пріисканной, я принялъ Мальте въ мундирѣ и сказалъ:

— Прежде всякаго дѣла прошу васъ покончить дрязги; поѣзжайте къ губернатору и скажите отъ меня, что я поручилъ вамъ извиниться и тѣмъ кончить все, что было.

Онъ не соглашался, но я настоялъ, сказавъ, что и самъ сейчасъ поѣду къ Арандаренкѣ, какъ къ губернатору.

Пріѣзжаю и нахожу встрѣчу самую радушную. Хозяинъ явно не могъ придти въ себя отъ такого рѣзкаго перехода въ своихъ отношеніяхъ и благодарилъ, какъ нельзя болѣе. Отъ него я поѣхалъ въ палату и узнавъ, что жена управ. Мальте два дня назадъ родила, хотѣлъ оставить у нихъ свой визитный билетъ, но былъ вынужденъ дойти до кровати больной. Ея крайнее волненіе за участь мужа мнѣ пришлось унимать болѣе часа, но, наконецъ, удалось больную успокоить.

Возвращаясь на квартиру, слышу, что былъ губернаторъ и, не заставъ меня, сказалъ человѣку, что желаетъ осмотрѣть помѣщеніе и войдя, въ спальню, подошелъ къ письменному столу и сталъ читать бумаги, но какъ прочелъ первый листъ, то вынулъ 3 р., далъ слугѣ и сказалъ:

— Пожалуйста, чтобы генералъ былъ всѣмъ доволенъ, я пришлю полицейскаго, что нужно только прикажи, все будетъ исполнено.

Взглянувъ на свой столъ, вижу, что листъ, исписанный Гвоздевымъ, лежитъ наверху. Значитъ, дѣльный губернаторъ, отыскавъ его въ кипѣ бумагъ, даже не успѣлъ положить на прежнее мѣсто; и узнавъ дѣйствительность, измѣнился окончательно,— что и оказалось впослѣдствіи.

Собственно для меня это была явная милость Божія, укротившая раздраженнаго звѣря—человѣка, извѣстнаго своими происками, бывшаго любимца графа Киселева, готоваго на всякую дерзость, доносъ и скандалъ.

Государь съ наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ (нынѣ королемъ) по тракту въ Архангельскъ шестеркою въ коляскѣ, не разъ шелъ пѣшкомъ въ глубокихъ пескахъ. За 160 верстъ на берегу рѣки Двины была построена бесѣдка со спускомъ къ рѣкѣ. Купецъ Брандтъ выставилъ свой пароходъ и тѣмъ порадовалъ царя, не привыкшаго тащиться шагомъ. Во время плаванія на пустынныхъ берегахъ изрѣдка было собрано населеніе: дѣти впереди, за ними женщины и потомъ мужчины. Государь былъ постоянно на палубѣ и, взглянувъ издалека на такой строй, произнесъ:

— Ну, это поддѣлано.

Когда же пароходъ сближался къ такой группѣ народа, то всѣ остановились на колѣни и отдавали земной поклонъ.

— Ну вотъ, ужъ это не поддѣлано,—говорилъ Государь и кланялся народу милостиво.

На одной изъ колоколенъ сельскихъ церквей послѣ долгаго благовѣста, пономарь далъ такой искусный перезвонъ, что Государь слушалъ съ удовольствіемъ и сказалъ:

— Да, это музыка.

Въ 7 часовъ утра, Государь былъ въ Архангельскѣ встрѣченъ всѣми старшинами: военный губ., Глазенапъ, гражд. губ., Арандаренко, комендантъ, баронъ Соловьевъ и многіе др. Объѣхавъ городъ, побывавъ въ соборѣ и адмиралтействѣ, Государь остановился у Глазенапа.

При представленіи въ залѣ адмиралтейства было много моряковъ и военныхъ и два чина гражданскіе: я и Желтухинъ отъ удѣловъ. Послѣдняго представилъ Арандаренко, а противъ меня Государь остановился и внимательно посмотрѣлъ, видя, что графъ Вл. Ѳед. Адлербергъ остался на другомъ концѣ зала, я поклонился и произнесъ:

— Членъ совѣта и пр.

— А! знаю, сказалъ Государь; въ эту минуту Адлербергъ подбѣжалъ ко мнѣ, между тѣмъ Государь продолжалъ:

— Ну, что все въ порядкѣ?

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

— А въ Запечорскій край хлѣбъ доставленъ?

— Все, что нужно, Ваше Императорское Величество.

— А вообще запасы достаточны?

— Вполнѣ.

Государь съ легкимъ поклономъ черезъ всю залу направился къ выходу.

Глазенапъ подошелъ ко мнѣ и пригласилъ на обѣдъ въ 5 часовъ.

За столомъ было ровно 12 человѣкъ. По правую сторону Царя сидѣлъ принцъ Вюртембергскій, по лѣвую — хозяйка жена Глазенапа; напротивъ хозяинъ и подлѣ него я,—всѣ приглашенные въ лентахъ.

Государь былъ веселъ, много говорилъ по-русски и сряду переводилъ принцу. За 2-мъ блюдомъ, взглянувъ на меня, спросилъ:

— Васъ было трое въ Инженерномъ училищѣ?

— Точно такъ.

— Гдѣ же братья?

— Оба въ могилѣ.

Помолчавъ нѣсколько, онъ снова вопросилъ:

— У васъ былъ еще братъ монахъ?

— Точно такъ, Государь.

— А какимъ образомъ онъ попалъ въ монахи?

Я отвѣчалъ:

— По призванію; онъ кончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ и вышелъ первымъ, но вскорѣ заболѣлъ такъ опасно, что два доктора по всѣмъ правиламъ науки (Государь взглянулъ на Енохина, сидѣвшаго отъ меня черезъ одного), былъ приговоренъ къ смерти въ 4 часа утра, но когда я пріѣхалъ въ 7, то доктора съ удивленіемъ объявили, что живъ. Въ полночь братъ призвалъ мать, она лютеранка.

Государь сказалъ:—какъ же знаю, и объявилъ, что такъ какъ онъ докторами приговоренъ, то, если останется живъ, просилъ позволенія умереть для свѣта. При одрѣ умирающаго отказа быть не могло. Мать согласилась, и онъ сдержалъ обѣтъ.

Въ тотъ же день съ 8 до 12 было большое гулянье, музыка и раутъ въ зданіи, особо выстроенномъ городомъ. Ужинъ былъ великолѣпный: за большимъ столомъ поперекъ залы сидѣлъ Государь, погруженный въ пальмы и зелень; служили ему именитые граждане Брандтъ, Плотниковъ и Кларкъ (все

милліонеры). За поперечнымъ столомъ въ виду Царя было 5 длинныхъ столовъ съ дамами, изукрашенными всевозможными туалетами и цвѣтами. Царь долго любовался такимъ зрѣлищемъ при блистательномъ освѣщеніи и до того увлекся, что ужинъ кончился и Вас. Андр. Долгорукій, сидѣвшій отъ него черезъ г-жу Глазенапъ, два раза проговорилъ:

— Государь!

И наконецъ вызвалъ его подняться. Сидя противъ Царя, я могъ убѣдиться, въ какомъ прекрасномъ настроеніи онъ находился.

Когда вышли на улицу, было свѣтло, какъ днемъ. Тамъ заря съ зарею сходятся, и въ маѣ солнце почти не заходитъ, такъ что, садясь за работу въ 10 часовъ вечера, я писалъ безъ очковъ, а въ часъ ночи опускалъ толстыя сторы, изъ чернаго сукна, чтобы уснуть.

На другой день рано утромъ Государь сѣлъ на пароходъ, пришедшій изъ Кронштадта, и со свитою отправился въ Соловецкій монастырь (300 верстъ). Глазенапъ уговаривалъ меня ѣхать, но я не рѣшился, опасаясь морской болѣзни, которою страдалъ на Черномъ морѣ и теперь при малѣйшей качкѣ на водѣ.

По возвращеніи изъ дальняго плаванія въ Соловки, Государь пробылъ не долго на пароходѣ, пристань была усѣяна народомъ. Нѣсколько дамъ и съ ними Арандаренко спустились съ трудомъ по крутой лѣстницѣ въ лодку и переѣхали на пароходъ, но мы съ старымъ гвардейцемъ комендантомъ, барономъ Соловьевымъ, предпочли остаться на пристани. Скоро къ морскому пароходу подошелъ рѣчной Брандта. Государь со свитою пересѣлъ и тронулся медленно по р. Двинѣ при громкихъ кликахъ народа.

При отъѣздѣ въ Соловецкій монастырь, Глазенапъ спросилъ у меня: стоитъ ли ходатайствовать о наградѣ гражд. губернатору?

Я отвѣчалъ:

— Убѣдительно прошу, это доставитъ ему удовольствіе и всѣмъ облегченіе, безъ ленты черезъ плечо въ сапѣ губернатора онъ золъ и придирчивъ, надо его смягчить и пр.

При переходѣ съ одного парохода на другой Государь поздравилъ Арандаренко со Станиславомъ 1-ой степени, тутъ же ему врученнымъ. И, дѣйствительно, было за что; цѣлыя болота на версту и на двѣ по большой почтовой дорогѣ, до того едва проѣздимыя въ перекладной, были застланы бревнами на подо-

біе плавучихъ мостовъ; сыпучіе пески покрыты мелкими вѣтками отъ елей и сосенъ; на восьми станціяхъ выставлено по 100 лошадей для 18 №№ колясокъ царскаго поѣзда; были тройки, приведенныя за 200 верстъ, кучера и форейторы двѣ недѣли пріучались ѣздить и выѣзжать лошадей въ непривычной сбруѣ; на дорогѣ исправники и становые сновали день и ночь, укрѣпляя пески и болота чѣмъ и какъ можно; словомъ, когда все было готово, то, сдѣлавъ 500 верстъ для осмотра, я не узналъ того пути, по которому пріѣхалъ. Правда, что кромѣ полицейскихъ чиновъ, люди, лѣсъ и деньги, все было казенное, т. е. отъ министерства г-хъ имуществъ, въ чемъ и было главное прекаліе палаты Г. И. Натурально, что подъ такимъ предлогомъ и полнымъ произволомъ Арандаренки было много злоупотребленій,—какъ вездѣ при такихъ исключительныхъ событіяхъ, которыхъ мѣстные дѣятели ждутъ не дождутся.

Въ моемъ положеніи была крайняя задача: найти середину между старымъ и павымъ порядкомъ. Арандаренко, какъ закоснѣлый консерваторъ, дѣйствовалъ безразсчетно и безпощадно, а молодой правовѣдъ, Мальте, какъ либералъ, настаивалъ на законности, какъ къ людямъ, такъ и матеріаламъ. Но время не допускало разсужденій: все горѣло не легально.

Когда все кончилось благополучно, то послѣ 2-хъ сытыхъ обѣдовъ у губернаторовъ, военнаго и гражданскаго, каждый изъ нихъ по-своему почтили и наградили мое участіе лестнымъ вниманіемъ.

Первый выразилъ усердное желаніе ходатайствовать о наградѣ и просилъ меня указать надежный путь. Я предложилъ написать къ Зеленому (товорищу министра) и, причитавъ его письмо, въ которомъ онъ выразилъ очень многое (между прочимъ, г. Пол—въ сдѣлалъ изъ невозможнаго—возможное), былъ искренно признателенъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что мало на свѣтѣ такихъ умныхъ и добрыхъ людей, какъ Глазенапъ.

Второй, сознавая вполнѣ, что мое личное соцѣйствіе дало наилучшее направленіе дѣлу столь важному, заключилъ рѣчь такъ:—а безъ Васъ знаете что бы вышло? Здѣсь устроилась бы слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ такого лица, что мы бы свернули шею вашему Муравьеву.

Сказавъ это, онъ вытащилъ изъ стола 6 листовъ, мелко исписанныхъ, и продолжалъ:

— Вотъ что уже было переписано и что Государь, ѣхавъ шагомъ по пескамъ, непремѣнно бы прочиталъ, такъ у насъ было

разсчитано и вся комиссія была готова. А съ вашимъ появленіемъ все рушилось, такъ судите сами, что вы сдѣлали.

Такая откровенность въ такомъ человѣкѣ, конечно, была мнѣ дѣйствительно пріятна, положивъ предѣлъ не имъ однимъ задуманной козни противъ М-ва.

Отмѣчаю этотъ фактъ служебной дѣятельности, какъ истинное чудо милости Божіей. Никакой умъ и умѣнье не могли бы сдѣлать такого крутого поворота подготовленной интригѣ, какъ листъ бумаги, случайно попавшій въ мой портфель.—Какъ часто въ жизни я убѣждался въ святой истинѣ изреченія Св. Евангелія „Безъ меня не можете творить ничесоже".

Поѣздка въ Казань на ревизію палаты Г. И. была также не безъ особыхъ затрудненій. Пришлось ѣхать въ ноябрѣ 58-го г. до Москвы по жел. дорогѣ, а оттуда до Нижняго-Новгорода въ дилижансѣ съ дѣтьми и ихъ матерью на колесахъ. Въ Нижнемъ выпалъ снѣгъ, стала зима, надо было искать зимняго экипажа, нашелся возокъ довольно сносный, въ которомъ по горамъ и ярамъ протащился не безъ хлопотъ и остановокъ. Не доѣзжая Казани нѣсколько станцій были переведены въ свои зимнія помѣщенія на р. Волгѣ, и дорога улучшилась по льду.

Въ Казани я остановился во дворцѣ у бывшаго товарища по Инж. училищу, военнаго губернатора, Козлянинова, и нашелъ своихъ 2-хъ чиновниковъ: Боровкова и Дуве заранѣе пріѣхавшими.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Архангельскѣ, губернаторъ не ладилъ съ управляющимъ палатою Г. Имущ., которымъ былъ Лавровъ. Разница состояла въ томъ, что послѣдній, по его выраженію, „не давалъ спуска первому", т. е., какъ человѣкъ, знающій свою часть превосходно, бралъ взятки, ни съ кѣмъ не дѣлился и никого не страшился, имѣвъ въ министерствѣ при Киселевѣ свою руку. Вслѣдствіе того былъ рѣзокъ, золъ, несговорчивъ и неуступчивъ до крайности. Осмотрѣвъ палату и ознакомясь съ дѣлами и служащими, я раздѣлилъ губернію по уѣздамъ: себѣ половину, а другую между 2-хъ моихъ помощниковъ [1]), немедленно разъѣхавшихся и присылавшихъ ко мнѣ съ вопросами въ особыхъ случаяхъ.

Оставаясь въ Казани, я собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, какъ служебныя, такъ и частныя. Тѣ и другія одинаково доказывали, что распря и пререканія Лаврова съ губернаторомъ вредили

[1]) Боровковъ и Дуве.

интересамъ дѣла и не могли продолжаться въ ущербъ министерству, какъ по хозяйственной, такъ и по лѣсной части.

Семья Козлянинова состояла изъ жены, лѣтъ 40-ка, и дочери, лѣтъ 16-и; обѣ видѣли въ немъ скорѣе командира, чѣмъ мужа и отца, что однако ни мало не нарушало ихъ семейной гармоніи и порядка въ домѣ. Въ городѣ и губерніи онъ также больше командовалъ, чѣмъ управлялъ, бывъ мало знакомъ съ администраціею вообще, но для того времени отличался особеннымъ „безкорыстіемъ", что и служило укоромъ Лаврову. Обязанный такъ или иначе, болѣе или менѣе согласить дѣйствія этихъ лицъ для пользы службы, я былъ очень затрудненъ въ разговорахъ съ ними.

Здѣсь повторилось со мной то же, что было со мной въ Митавѣ. На 6-ое декабря упр—й. Лавровъ, былъ именинникъ и пригласилъ меня обѣдать. Я принялъ приглашеніе на тѣхъ же условіяхъ: вдвоемъ безъ овацій и безъ тостовъ. Когда узналъ о томъ Козлянинова, то по званію военнаго губернатора, такъ же точно, какъ гражданскій губернаторъ, Валуевъ, счелъ долгомъ предварить, что буду отравленъ; по его выраженію, „вся штука къ тому подстроена" и т. д. Не взирая на искреннюю увѣренность и просьбу стараго товарища, я отвѣчалъ, что не могу измѣнить даннаго слова.

Здѣсь, какъ и тамъ, благодаря Бога все обошлось благополучно, и возвратясь домой, я тоже удивилъ и обрадовалъ своего хозяина „удачнымъ подвигомъ".— Нельзя не вспомнить, что тогда это средство отдѣлываться отъ опасной ревизіи было въ ходу: Козарскій въ Одессѣ, а впослѣдствіи сенаторъ въ Костромѣ были жертвами своего усердія.

Ревизія палаты и окружныхъ правленій по уѣздамъ составила цѣлые томы бумагъ, изъ которыхъ былъ составленъ мною отчетъ, вполнѣ удовлетворившій М. Н. Муравьева, утвердившаго все предположенное. Перемѣны лицъ были сдѣланы немедленно 1859 г. апр. 15-го.

Резолюція г. министра М. Н. Муравьева на моемъ отчетѣ о ревизіи Управленія Гос. Им-въ въ Казанской губерніи:

„Прочиталъ этотъ отчетъ съ большимъ вниманіемъ. Видно, что г. Половцовъ добросовѣстно исполнилъ свою обязанность и весьма подробно и дѣльно представилъ картину управленія Казанской губерніи.

„Грустно видѣть эти безпорядки, но еще грустнѣе получать убѣжденіе, что все это происходитъ оттого, что департаменты не заботятся объ удержаніи должнаго порядка во ввѣренныхъ

имъ управленіяхъ. Они только пишутъ, а о сущности управленія мало заботятся.

„Прошу этотъ отчетъ немедленно разсмотрѣть во всей подробности по принадлежности 1 Д-ту и Лѣсному и представить мнѣ (извлеченіе изъ общаго разсмотрѣнія) отдѣльные доклады по отмѣченнымъ мною статьямъ въ приложенныхъ запискахъ.

„Этотъ отчетъ г. Миллеру и объ успѣхѣ мнѣ доложить въ будущій четвергъ, 23-го числа".

Вскорѣ послѣ того мнѣ поручена ревизія управленія Гос. Имущ. Пермской губерніи, гдѣ былъ управляющимъ палатою Ростовцевъ, а губернаторомъ Константинъ Ильичъ Огаревъ. Оба знали дѣло отлично, но первый во многомъ слушался жены, принимавшей просителей, а второй любилъ покутить, на что сибирскіе выходцы-богачи были готовы во всякое время, для наживы.

Моими помощниками по ревизіи были: Дуве и Неклюдовъ. Послѣдній явился въ Пермь съ женою, что, конечно, не облегчало, а осложняло его занятія, но какъ онъ состоялъ подъ особымъ покровительствомъ В. Ѳ. Адлерберга, то надо было снисхожденіе. Кстати оказалось, что управляющій имѣніемъ Голубцовыхъ, Кистеръ, былъ радъ случаю принять и удостоить ихъ, какъ знакомыхъ его брата, состоящаго въ Министерствѣ Двора.

Кромѣ трудной работы въ палатѣ и округахъ, пришлось принять особыя мѣры по частнымъ пожарамъ въ г. Перми, возмущавшимъ все населеніе. Извѣстно, что въ такихъ случаяхъ народъ относитъ это явленіе къ умышленнымъ поджогамъ. Такъ было и здѣсь. Въ разныхъ частяхъ города находили записки: что „въ такой-то день, такой-то домъ будетъ горѣть".

Большинство жителей бивакировало за городъ; нерѣдко предсказанія сбывались и тѣмъ возвышали страхъ и панику массы, средства полиціи были крайне слабы и пр. Единственное спасеніе отъ опасности представлялъ въ своей особѣ губернаторъ Огаревъ. Онъ былъ неутомимъ: днемъ и ночью являясь на пожаръ первымъ, распоряжался всѣмъ лично, подавая примѣръ безстрашія массѣ и уговаривая умно всякаго, кто къ нему обращался. Ему обязана Пермь тѣмъ, что не сгорѣла до тла.

Ревизія управленія Гос. Имущ. въ Пермской губерніи такъ же, какъ и въ Казанской, была довольна трудна по дѣлу и

тѣмъ болѣе по переѣздамъ въ уѣзды, напр., въ Верхотуровъ, 300 верстъ отъ Екатеринбурга, гдѣ кромѣ перегоновъ отъ 25 до 30 верстъ ни одной живой личности по дорогѣ не встрѣчалось, а въ городѣ 8 каменныхъ церквей и монастырь. Городъ такъ бѣденъ, что церкви заперты и служатъ въ одной; ихъ много настроено тогда, какъ здѣсь былъ Сибирскій трактъ.

Гостиницъ нѣтъ и остановиться было бы негдѣ, если бы мнѣ не нашли квартиру предварительно.

Въ производствѣ дѣлъ вообще было такъ мало порядка, что я счелъ за лучшее посовѣтовать управляющему просить о причисленіи къ министерству, о чемъ онъ написалъ къ правителю канцеляріи Муравьева, П. А. Миллеру, но, получивъ, утвержденіе, немедленно исполнилъ.

По окончаніи ревизіи и перемѣны почти всего состава управленія Гос. Имущ. по доказанной неисправности, негодности и взяточничеству, на меня поступило много гнусныхъ доносовъ къ Муравьеву. На нѣкоторые я долженъ былъ отвѣчать не безъ рѣзкости, и министръ оставилъ всѣ безъ послѣдствій.

Къ сожалѣнію, М. Н. Муравьеву было назначено ѣхать въ Вильно генералъ-губернаторомъ для усмиренія края. Это былъ выборъ необыкновенно удачный.

На его мѣсто вступилъ А. А. Зеленый, человѣкъ превосходный, но время было тяжелое и тѣмъ труднѣе ему приходилось справляться, что министръ Внутр. Дѣлъ, Валуевъ, и генералъ-губернаторъ с.-петербургскій, Суворовъ, стояли явно за поляковъ и старались всячески парализовать дѣйствія М. Н. Муравьева, даже останавливали ссыльныхъ въ Спб. и давали имъ средства скрываться отъ преслѣдованій.

Въ 63 году апрѣля 25 оказалось возстаніе въ Могилевской губерніи въ г. Горкахъ, гдѣ помѣщается высшій Земледѣльческій институтъ, на который было сдѣлано нападеніе извнѣ особо собравшеюся шайкою анархистовъ.

О производствѣ слѣдствія былъ докладъ Валуева и образована комиссія, но Зеленый успѣлъ это измѣнить и назначить предсѣдателя отъ себя; относительно назначенія товарища, остановились на мнѣ, какъ болѣе извѣстномъ М. Н. Муравьеву.

Явясь къ министру въ лихорадочномъ пароксизмѣ и, желая уклониться отъ комиссіи и поѣздки, я сослался на болѣзнь, на что А. А. Зеленый отвѣтилъ:

— Время такое, что если бы Государь назначилъ меня

городничимъ, то немедленно поѣхалъ бы. Отказываться нельзя и т. д.

Переговоривъ о многомъ, я былъ вынужденъ согласиться и вскорѣ выѣхалъ въ Могилевъ. Тамъ нашелъ военнымъ губернаторомъ князя Яшвиль, а гражданскимъ Беклемишева. Оба приняли меня какъ нельзя лучше и вскорѣ познакомили съ 2-мя братьями, князьями Любомірскими, изъ которыхъ старшій былъ губернскимъ предводителемъ. Оба вышли изъ лицея вмѣстѣ съ Беклемишевымъ и оставались съ нимъ въ дружбѣ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Могилевѣ для собранія необходимыхъ свѣдѣній я выѣхалъ въ г. Горки, гдѣ нашелъ Земледѣльческій институтъ роскошно устроеннымъ и занялъ большое отдѣленіе, назначенное для пріѣзда высшихъ чиновъ. Здѣсь былъ членъ ученаго комитета, Петерсонъ, какъ экзаменаторъ отъ министерства. Съ нимъ мы пошли по бульварамъ и скоро встрѣтили студента съ бородою, длинными волосами, высокими сапогами и въ фуражкѣ на бекрень и пр. Поравнявшись съ нимъ, я спросилъ фамилію и сказалъ:

— Какъ студентъ института, вы обязаны соблюдать форму, зайдите въ канцелярію, взгляните на рисунокъ и постарайтесь исправить, что нужно. Примите добрый совѣтъ.

Петерсонъ былъ изумленъ и старался объяснить, что такое замѣчаніе воспитаннику такъ ново и неожиданно, что удивитъ всѣхъ и пр. Мы обошли часть города, въ которомъ было выжжено 52 дома, и видѣли много евреевъ, жалкихъ, крайне смущенныхъ и говорившихъ между собою вслухъ: „что это значитъ? Онъ идетъ одинъ, никого не боится“ и т. д.

Возвратясь въ свое помѣщеніе, я узналъ отъ Петерсона много неизвѣстнаго, очень интереснаго и поучительнаго.

Толпа вооруженныхъ повстанцевъ, произведя въ городѣ общій ужасъ и истребивъ поджогомъ дома, вошла въ институтъ, арестовала директора и была принята всѣми радушно: ихъ угощали чаемъ и закусками, какъ дорогихъ гостей. Начальникомъ банды былъ нашъ штабсъ-капитанъ, академистъ Жверждовскій, который, пробывъ здѣсь день, къ ночи выступилъ въ дальнѣйшій путь, но скоро былъ преслѣдованъ и первый бѣжалъ. Изъ банды схвачено и посажено въ тюрьму до 300-тъ человѣкъ. Это было въ концѣ апрѣля, а въ маѣ былъ смѣненъ одинъ исправникъ, всѣ прочіе поляки остались на своихъ мѣстахъ, хотя и были извѣстны своимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ анархистамъ. Какъ въ городѣ, такъ и въ институтѣ, преобла-

далъ духъ польскій до того, что въ разныхъ домахъ пѣлись гимны съ открытыми окнами и т. д.

Въ тотъ же вечеръ, изъ моихъ оконъ видно было сильное освѣщеніе нижняго этажа въ домѣ института, и только на другой день директоръ объяснилъ, что всѣ профессора и воспитанники всю ночь брились и стриглись, вслѣдствіе моего замѣчанія студенту.

Въ 9 часовъ утра былъ назначенъ осмотръ института. Войдя въ обширную швейцарскую въ сопровожденіи директора и увидѣвъ большую жнею подлѣ стѣны въ пыли, я узналъ, что она давно прислана изъ Спб. и остается въ полномъ небреженіи; просилъ директора немедленно распорядиться привести въ порядокъ и поставить на поле фермы для жатвы ржи, уже поспѣвшей.

Въ большомъ залѣ библіотеки мнѣ представлены 18 профессоровъ института. Обойдя всѣхъ и переговоривъ съ каждымъ, кромѣ 2-хъ особо замѣченныхъ и извѣстныхъ поляковъ, я сказалъ краткую рѣчь о цѣли моего прибытія, выразивъ надежду на ихъ содѣйствіе къ открытію происшедшаго и пошелъ по классамъ. Воспитанники, ихъ наполнявшіе, были въ полномъ порядкѣ и на мои вопросы отвѣчали удовлетворительно.

Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ Маковъ, которому я предложилъ оставаться членомъ, а самъ занялъ предсѣдательское кресло, на что немедленно послано донесеніе министру внутрен. дѣлъ, Валуеву, оставшееся безъ послѣдствій.

Дѣла въ комиссіи было много, я заболѣлъ глазами, однако усердіемъ членовъ и секретаря ни въ чемъ остановки не было. Пособіемъ институтскаго доктора мои глаза скоро исправились и я могъ много работать. Однажды въ два часа ночи, сидя за бумагами, я съ удивленіемъ услышалъ конскій топотъ подъ окнами; вошелъ курьеръ съ докладомъ о пріѣздѣ исправника.

— Проси.

Вошелъ молодой человѣкъ въ формѣ и въ пыли.

— Что скажете?

— Я къ вашему превосходительству, прямо изъ города, гдѣ въ одномъ домѣ собрался клубъ, было много толковъ и споровъ, при чемъ часто произносилась ваша фамилія. Я сталъ подлѣ окна со ставнями и слышалъ, какъ согласились бросать жребій, кому васъ заколоть: вотъ съ чѣмъ я рѣшился сюда прискакать.

— Давно ли вы здѣсь?

— Три мѣсяца.

— Ну, такъ вы еще не ознакомились съ польскими выходками. Постарайтесь узнать: сколько человѣкъ было въ клубѣ? Кто былъ предсѣдателемъ и кто секретаремъ? Чѣмъ они кончили? Разузнавъ все, приходите завтра ко мнѣ завтракать въ 12 часовъ.

Исправникъ уѣхалъ, а я легъ спать въ самомъ покойномъ настроеніи. На другой день онъ явился съ рапортомъ по всѣмъ даннымъ вопросамъ. Предсѣдателемъ и секретаремъ были два профессора мною раннѣе замѣченные, членами, числомъ до 40, студенты института. Отъ избранія по жребію всѣ отказались, а потому послано въ Варшаву требованіе выслать особаго кинжальщика.

Послѣ завтрака, вмѣстѣ съ исправникомъ я передалъ ему свое отношеніе къ губернатору, „чтобы на основаніи закона такіе-то два профессора были удалены изъ Горокъ". Запечатавъ съ надписью „секретно" я просилъ его немедленно отправить съ нарочнымъ.

Черезъ два дня послѣ того, рано утромъ вошелъ ко мнѣ институтскій священникъ и съ низкимъ поклономъ выразилъ искреннюю благодарность за высылку двухъ отъявленныхъ поляковъ. Онъ говорилъ:

— Въ 5 часовъ утра мимо моей квартиры ихъ провезли въ 2-хъ телѣгахъ и тѣмъ обрадовали всѣхъ насъ. Очень, очень благодарны вашему превосходительству. Теперь вы увидите, какъ всѣ присмирѣютъ и все перемѣнится. Вотъ я 30-ый годъ при институтѣ и знаю точно, что здѣсь происходило, но, конечно, никто не ожидалъ такихъ распоряженій. Вотъ потому-то все такъ и продолжалось, конечно, такъ надо было терпѣть.

Сообщ. **А. А. Половцева.**